

— Никуда ты не пойдёшь! — Гоудань преградил старосте дорогу, упрямо набычившись. — Либо решай всё сейчас, либо я прямо в Революционный комитет побегу жаловаться!

Мальчишка прекрасно знал, куда нужно идти и кому плакаться, чтобы устроить взрослым весёлую жизнь.

— Ах ты ж паршивец мелкий! — вспыхнул староста. — Ли Сы, а ну забирай своего оболтуса! Только под ногами путается, шельмец!

Он в сердцах отчитал Ли Сы, а тому только и оставалось, что покрепче схватить сына за руку и торопливо извиняться перед разгневанным начальством.

— Гоудань, сынок, да угомонись ты уже, — негромко увещевал Ли Сы, пытаясь утащить мальчишку подальше. — Чэнь А-да ему родной дядя, семья всё-таки. Не нашего ума это дело, нечего нам соваться.

Гоудань зло вырвал руку и, отпрыгнув в сторону, уселся на корточки, насупившись. До чего же эти взрослые невыносимые и трусливые люди!

Ван Сюань едва дышал, замирая в полузабытьи, — за таким больным уход нужен глаз да глаз. Но от Чэнь А-да толку было как от козла молока, а его благоверная Хэймэй, едва сообразив, что племянник концы отдавать не собирается, мгновенно осмелела и вновь задрала нос.

Соседка, только что кричавшая на всю улицу, теперь тоже пошла на попятную. Одно дело — пошуметь из жалости, и совсем другое — вешать на себя чужую обузу. Муж её и так косо посматривал, ведь сострадание состраданием, а лишний рот в доме никто терпеть не станет. Время нынче тяжёлое, дай бог своих ребятишек прокормить, куда уж чужого сироту на довольствие брать.

Почувствовав, что гроза миновала, Хэймэй совсем распоясалась. Она бесцеремонно выволокла бесчувственного Ван Сюаня в полуразвалившийся дровяник и бросила прямо на солому. Подумаешь, барин какой! На дворе лето, жара стоит — чай, не околеет.

Подперев бока кулаками, она ещё долго костерила на чём свет стоит и соседку, и Гоуданя. Соседка, впрочем, затаилась в доме и носа не казывала: побоялась, что вздорная баба и впрямь швырнёт ей мальчишку под двери. Да и к чему теперь лаяться? Поднимала-то она крик лишь потому, что малец помирал, думала пристыдить родичей да людей на подмогу созвать. Раз уж выжил — и слава богу, а дальше пусть сами разбираются.

Гоуданя к дровянику близко не подпускали. Уходя в поле, Хэймэй наглухо запирала калитку, а Ли Сы наотрез отказался брать сына с собой на досмотр чужого двора — мало ли, воровством сочтут.

Нахлебавшись пустой, водянистой овощной похлёбки, Гоудань развалился на топчане, уставившись в потолок. В голове его зрел коварный план: уж он-то устроит этой старой ведьме Хэймэй весёлую жизнь, мало не покажется!

С этими мыслями он и заснул. Ли Сы, глядя на притихшего сына, облегчённо вздохнул. Семья у них крошечная — они двое да ветер в карманах, куда им ещё одного мальчишку вешать? Жалеть-то он жалел сироту, да только своя рубашка ближе к телу. Лишнюю горсть зерна лучше собственному сыну в миску насыпать, чтоб рос крепким да здоровым, а не чужих кормить.

Человеком он был простым, не шибко далёким, и все его думы ограничивались заботой о родном очаге. Отдыхать отцу было некогда. Выкроив свободную минуту перед сменой, он принялся мыть собранную накануне редьку. Урожай выдался невзрачным — без удобрений корнеплоды выросли мелкими, жёлтыми да скрюченными, но выбирать не приходилось: хоть ботву потушить можно, и то ладно. Вымыв овощи, он аккуратно развесил их сушиться на натянутой верёвке.

Закончив с домашними делами, Ли Сы сразу же поспешил на работу. В страду перевести дух некогда, каждая минута на счету.

Гоудань проснулся ближе к вечеру — середь бела дня он спал редко, но сегодня разморило. Выбежав во двор справить нужду, он похлопал себя по пустому животу и вздохнул. С тоскливым видом усевшись на пороге, мальчик подпёр щёку кулаком и принялся лениво расшатывать языком передний зуб, который уже несколько дней держался на честном слове.

На следующее утро Гоудань подхватился ни свет ни заря. Ему нужно было пробраться к Ван Сюаню до того, как Хэймэй запрет калитку на засов.

— Пап, я скоро, кашу без меня не ешь! — крикнул он на ходу и ураганом вылетел со двора.

Отец лишь покачал головой — к вечным уловкам и прыти сына он давно привык. Мальчишка рос смыслёным и самостоятельным, так что особого повода для беспокойства не было. Знал бы он, куда несёт его сорванца, растерял бы весь свой покой. А Гоудань тем временем уже всю мчался к дому Чэнь А-да.

— Ты чего тут забыл? А ну катись отсюда! — вытянув шею, заорал Дафу, старший сын Чэнь А-да.

— К Ван Сюаню я, — буркнул Гоудань, даже не взглянув на задиру.

Из дома неторопливо вышла Хэймэй. Окинув незваного гостя презрительным взглядом, она ядовито усмехнулась:

— Гляди, гляди, не облезь! Жив твой приёмыш, дьявол его не берёт. Только зря чужие харчи переводит, ублюдок лесной.

Гоудань смерил бабу яростным взглядом.

— Где он?

— В дровянике валяется, где ж ещё.

У Гоуданя сжались кулаки. Прошла целая ночь, а больного мальчишку так и оставили лежать в дырявом сарае, открытом всем ветрам! К нему, поди, даже не прикоснулись. Он со всех ног бросился к сараю.

— Ван Сюань! Эй, Ван Сюань, просыпайся!

Тот лежал неподвижно на прелой соломе, крепко зажмурив глаза. Гоудань склонился над ним и испуганно отпрянул: щёки Ван Сюаня горели неестественным, пунцовым румянцем, а дыхание было тяжёлым и прерывистым. На лбу выступила крупная испарина.

— Ван Сюань, ну очнись же ты! — Гоудань легонько коснулся его лба и тут же отдёргнул руку — кожа мальчика была горячей, словно раскалённая печь.

Дело было плохо. Мальчишка подскочил как ужаленный и изо всех сил закричал в сторону дома:

— Он же горит весь! Эй, тётка Хэймэй, живо вези его к врачу!

Хэймэй лишь презрительно фыркнула:

— Ещё чего выдумал! Сдохнет — туда ему и дорога, чище воздух будет. Весь в мамашу свою полоумную пошёл, та тоже только небо коптила.

Гоудань, не веря своим ушам, повернулся к стоявшему неподалёку Чэнь А-да, надеясь найти каплю сострадания у родного дяди. Но тот выглядел ещё более растерянным и беспомощным, чем его злая баба.

— Так ведь... денег в доме ни гроша, — пробормотал мужчина, пряча глаза. — Да и в поле нам пора, работу прогуливать нельзя...

От злости и бессилия Гоудань запрыгал на месте. Вспомнив о жалостливой соседке, которая вчера так яростно спорила с Хэймэй, он стрелой полетел к её двору и заколотил в калитку:

— Тётушка! Тётушка, вы дома? Помогите!

Из дверей показалась заспанная женщина.

— Чего раскричался, Гоудань? Случилось чего?

— Ван Сюань помирает! Жар у него страшный! — задыхаясь, затараторил мальчик. — Тётушка, миленькая, поглядите на него хоть глазком, а я пока за отцом сбегаю!

Соседка замялась, переводя взгляд со своего двора на закрытые ворота Чэнь А-да. На её лице отразилась мучительная нерешительность:

— Ну, даже не знаю...

Гоудань в сердцах топнул ногой. До чего же трусливый народ эти взрослые! Не дожидаясь ответа, он развернулся и припустил по улице. Первым делом хотелось, конечно, позвать на помощь отца — в любой беде Ли Сы казался ему самой надёжной опорой. Однако на полпути мальчик резко затормозил. Отец у него добрый, да слишком уж покладистый и робкий — вздорная Хэймэй его в два счёта вокруг пальца обведёт и со двора выставит. Нет, тут нужна сила посерьёзнее. И Гоудань круто изменил маршрут, устремившись к дому старосты. Староста в деревне — всему голова, перед ним даже Хэймэй хвост прижмёт и послушно повезёт мальчишку в больницу.

— Дядя староста! Дядя староста, скорее! Спасать надо! — истошно завопил он, едва ворвавшись в чужие ворота.

Из дома с недовольным видом вышла жена старосты. Семья как раз усаживалась за стол. Окинув взмыленного мальчишку строгим взглядом, она проворчала:

— Чего голосишь ни свет ни заря? Кого там спасать собрался?

В её глазах читалась явная досада — время голодное, и делиться скудным завтраком с чужим ребёнком ей совершенно не хотелось.

Гоудань запрыгал на месте, от волнения едва не прикусив язык:

— Да не меня! Ван Сюань помирает! Дядя староста, он совсем плох, лицо красное как свёкла, а дядька с тёткой палец о палец не ударят! Пойдёмте скорее, а то помрёт малец, и будет у нас в деревне настоящее убийство! Революционный комитет приедет, всех за решётку упрячут!

Староста тяжело вздохнул и со стуком опустил на стол палочки для еды. Не прибеги этот чертёнок с криками на всю округу, можно было бы сделать вид, что ничего не знает. Но

теперь, когда сын Ли Сы поднял такой переполох прямо у него на пороге, деваться было некуда — служба обязывает.

Гоудань мчался впереди, утирая рукавом струящийся по лицу пот. Староста шёл не торопясь, с достоинством, и мальчишка то и дело оглядывался, готовый подбежать и силой тащить ленивого взрослого за собой. От нетерпения он торопливо перебирал ногами и чесал макушку.

Заразившись мальчишечьей тревогой, староста тоже прибавил шаг. Едва переступив порог дровяника и взглянув на бесчувственного Ван Сюаня, он мгновенно понял — дело дрянь. Обернувшись к испуганно жавшемуся в углу Чэнь А-да, староста рявкнул на него во весь голос:

— Вы чего тут устроили, ироды?! Живо тащи его в коммунальную больницу! Если парень дух испустит и из Революционного комитета люди приедут, твоя баба первая на каторгу загремит, да и ты рядом пристроишься!

— Да как же... дядя староста... — Чэнь А-да растерянно посмотрел на насупившуюся жену, лепет его звучал жалко. — Денег-то в доме совсем нет...

— Бригада займёт! — безапелляционно отрезал староста. — Запишем в долг под будущий летний урожай, вычтем из вашей доли зерна. Разговоры в сторону, хватай малого на закорки и ходу!

— Староста, да полно тебе пугать-то! — подала наконец голос притихшая было Хэймэй. — Подумаешь, прихворнул малец, у детей это сплошь и рядом. Нам на работу надо, за пропуск ведь рабочие баллы снимут! Может, тётушку Юэ позовём, она травками пошепчет...

— А ну цыц! — прикрикнул на неё староста, грозно зыркнув из-под кустистых бровей. — Кто тут главный — ты или я?! Рабочие баллы им подавай! Тьфу, бестолочи жадные, так вам и надо! Кабы следили за дитём как положено, ничего бы не случилось. Вы ему со вчерашнего дня хоть каплю воды в рот капнули?

Заметив, как Хэймэй виновато отвела глаза, староста понял, что угадал. Гнев его вспыхнул с новой силой. «До чего же дурная баба, прости господи! Будь она моей невесткой, я бы её вожжами проучил...» — подумал он в сердцах.

Чэнь А-да нехотя взвалил племянника на спину. Староста едва успел переговорить с партийным секретарём бригады, чтобы оформить заём. Забрав деньги из кассы, он распорядился:

— Запиши это на счёт семьи Чэнь. Пошли на лечение племянника. И передай моей, что я сам провожу их до больницы, пригляжу за делом.

С этими словами он поспешил вслед за уходящим Чэнь А-да.

Гоудань, само собой, не отступал ни на шаг. По дороге ему попалась Ли Даню, и он на ходу крикнул ей:

— Даню! Передай моему отцу, что я ушёл в больницу с Ван Сюанем! Пускай не теряет!

Почти час они добирались до коммунальной больницы по пыльной просёлочной дороге. К концу пути и взрослые, и Гоудань едва волочили ноги от усталости.

В приёмном покое их встретил пожилой врач. Окинув взглядом взмыленную компанию, он участливо спросил:

— Ну, на что жалуетесь? Что стряслось?

— Дедушка доктор! — звонко перебил взрослых Гоудань, протискиваясь вперёд. — Ван Сюаню вчера голову проломили, кровищи было море! А теперь он весь горит и не просыпается!

Посмотрев на бездыханного мальчика, устроившегося на плечах Чэнь А-да, врач нахмурился. Лицо ребёнка действительно пылало лихорадочным румянцем.

— Быстро укладывайте его сюда, — скомандовал доктор, указывая на стоявшую у стены простую кушетку.

<http://bllate.org/book/19654/1951748>